

**пешком
в историю**

**Древний
Новгород**

Разоблачение Чёрного Пса

Разоблачение Чёрного Пса

Историческая сказка

УДК 821.113.4
ББК 82.3 (2 Рос) я 92
В49

Алексей Юрьевич Винокуров
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЧЁРНОГО ПСА

Историческая сказка
Авторы идеи – Юрий Вировец, Екатерина Каширская
Автор: А. Винокуров
Научный консультант: к. иск. А. Пожидаева
Редактор: А. Марголис, А. Литвина
Корректор: Е. Тарасова
Художник: В. Новикова
Верстка, макет: К. Коловершина
Составитель: Е. Каширская

А. Винокуров. Разоблачение Чёрного Пса: историческая сказка для детей. –
В49 М.: Пешком в историю, 2011. – 80 с., ил. – (Древний Новгород).
ISBN 978-5-905474-09-5

Свобода воображения и путешествие в живую историю.
Однажды мышата Тимка и Тинка, которые живут в Историческом музее, вместе со своей бабушкой попали в Древний Новгород XII века. В Новгороде они встретили Онфима и Данилу, подружились с ними, ходили вместе в школу и плавали на корабле, а потом обнаружили логово страшного пса-оборотня и помогли детям спастись от него. Об удивительных приключениях мышат, а также о том, откуда в те давние времена приплывали иностранные купцы, когда звонил вечевой колокол и кто решал самые важные вопросы в Новгородской республике, ты узнаешь из сказки «Разоблачение Чёрного Пса».

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателя – ИП Каширская Е.В.

ISBN 978-5-905474-09-5

ПЕШКОМ В ИСТОРИЮ™
© ИП Каширская Е.В., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Дедушка лезет в мышеловку	4
Кошки шутить не любят	12
Мышь — животное свирепое	20
Чёрный пёс уносит Кукшу	29
Тимку делят на две части	40
Жирослав пугает вече	47
В логове колдуна	56
Посадник ловит бабулю	64
Последнее слово Ганса	70
Чёрный Пёс садится на хвост	81

ДЕДУШКА ЛЕЗЕТ В МЫШЕЛОВКУ

Было солнечное зимнее утро. На улице злился и кусался мороз, снег за ночь засыпал весь город и теперь блестел и искрился на солнце. Но в старом мышином доме было тепло, светло и уютно.

Дом этот нельзя было назвать обычным домом. Он располагался в Историческом музее, в отделе древних рукописей, в норке за стеной. И жило в этом доме одно удивительное мышиное семейство.

Те из вас, кто читал другие сказки о приключениях мышат Тимки и Тинки, конечно, уже знают об их необыкновенных путешествиях в прошлое. А те, кто ещё не знает, как раз сейчас и познакомятся с ними поближе. Итак, сегодня у Тинки и Тимки был день рождения.

Тимка и Тинка, как легко понять, были родными братьями. Или нет — родными сёстрами? Или всё-таки братьями? Дело в том, что Тимка был мальчиком, а Тинка — девочкой. Кем же они были тогда: братьями или сёстрами? Если по порядку, то Тимка был родным братом Тинке, а Тинка была Тимке родной сестрой. Так что вы, наверное, уже сами поняли, в каких они между собой отношениях.

Так вот, хоть эти братья-сёстры и родились в один день, но были друг

на друга не очень-то похожи. Но, как уже говорилось, праздновали день рождения одновременно.

Правда, не всем этот день рождения был в радость.

Тимка, например, вчера получил двойку по мышематике. И теперь сидел, надувшись, над учебником — учил урок. То есть все думали, что он учил. На самом же деле он только делал вид.

— Где справедливость? — бурчал он. — Почему я один должен учить урок? Почему Тинка не учит?

— Потому что я уже выучила его — давным-давно, — сказала Тинка.

— Ну, тогда выучи за меня по второму разу, — попросил Тимка.

У Тинки даже усы распушились от удивления.

— Как это — за тебя? — изумилась она.

— А очень просто, — отвечал Тинка. — Урок выучишь ты, но будет считаться, что это как бы я его выучил...

— А почему это я за тебя должна учить

урок?! — возмутилась Тинка.

— А ты мне друг или не друг?

— тоже возмутился Тимка.

Тинка задумалась. Она, конечно, была брату другом. И ей было жалко Тимку, что он сидит такой несчастный над учебником.

— А отвечать урок кто будет?

— вдруг сообразила Тинка. —

Надо же ещё урок ответить

и так, чтобы за него пятёрку поставили.

— Отвечать тоже будешь ты, а пятёрку, так и быть, пусть мне ставят, — отвечал Тимка.

Пока мышата спорили, приготовления ко дню рождения продолжались.

Бабуля срочно довязывала Тимке и Тинке красивые красные свитера, мамуля готовила праздничный стол, а папуля давал ей советы — очень, как он думал, полезные.

А вот дедуля советов никому не давал. Он с утра хватил вишнёвого компоту и теперь сидел в любимом кожаном кресле, вспоминал свою юность. Или, как говорила бабуля, доисторические времена.

— Разве же теперь угощать умеют? — говорил дедуля, укоризненно поглядывая на мамину готовку. — То ли дело — раньше! Вот в молодости, помню, я запросто мог литр сметаны выкушать... Один, без помощи родственников!

— А почему без помощи? — интересовалась Тинка.

— А потому что он никого к сметане не подпускал, — охотно объяснила бабуля.

— А закусывали как? — не успокаивался дедушка. — Это была песня, как мы закусывали! Сыр ели — кругами, колбасу — бато-нами.

— А сало? — спросил Тимка.

— Сало? — усмехнулся дедуля. — Салом я вообще зубы чистил. Да-а, молодец я был в молодости, настоящий орёл.

Тинка посмотрела на дедулю. На орла он чего-то совсем был не похож.

— Не похож ты на орла, дедушка, — сказала Тинка. — Хвост у тебя тоненький, и голова лысая. Разве бывают лысые орлы?

— Ещё как бывают, — заспорил Тимка.

Он недавно сгрыз половину птичьей энциклопедии и очень был подкован в этом вопросе. — Это называется — американский лысоголовый орёл.

— А хвост? — сказала Тинка.

— На хвост ты не смотри, —

сказал дедуля. — Это у меня сейчас хвост тонкий сделался. А в молодости был ого-го какой хвост! Как у самолёта!

— А я-то думала, что ты у нас — мышь, — усмехнулась бабуля. — А ты, оказывается, самолет, да ещё лысоголовый.

Все стали смеяться, один дедушка насупился.

— Не буду, — говорил он, — смеяться над собой. Вот сейчас расправлю крылья свои орлиные, да и улечу от вас. Ищи меня потом, свищи... Пожалеете, что такого хорошего дедушку не ценили. Такие дедушки на дороге не валяются. Таких дедушек беречь надо...

Так, за разговорами, незаметно прошло утро. Все уже собирались садиться за праздничный стол, как вдруг дедушке сделалось нехорошо. Он взялся за живот и изменился в лице. «В худшую сторону изменился», — говорила потом бабуля.

Мамуля это заметила и принялась расспрашивать дедушку, чего он вдруг стал такой печальный.

— Оттого я печальный, что наелся мышьяку, — отвечал на это дедуля. — А есть мышьяк, я вам скажу, никакого удовольствия. Тошнит ужасно и в животе трескотня — хуже, чем у космонавта...

— Хватит глупости болтать, старый ты космонавт! — рассердилась мамуля. — Отвечай, откуда ты взял мышьяк?

— А им сыр был намазан, — виноватым голосом отвечал дедуля.

— Какой ещё сыр?

— А который я в мышеловке стащил...

— Зачем же ты в мышеловку полез?

— А чего ему пропадать? Смотрю, лежит, никто его не ест. Это был очень грустный и очень одинокий сыр. Я и решил ему помочь.

Тинка заплакала.

— Ты чего ревёшь? — спросил её Тимка.

— Вот сейчас дедуля умрет от мышьяка, и мы тоже станем грустными и одинокими — как этот самый сыр.

— Не бойся, — отвечал дедуля. — Не умру. Мы, лысоголовые орлы, так просто не сдаёмся!

Сказав так, дедушка потребовал квасу.

— Зачем тебе квас? — спросила Тинка.

— Квасом мышьяк запивать отлично, — объяснил папуля. — Такая диета особая. Выпил — и никакой изжоги.

Тут подключилась бабуля, по диетам — первый специалист.

— Во-первых, не квасом, а молоком, — сказала она. — Лучшее против мышьяка противоядие.

— Ну так давайте мне молока! — потребовал дедуля.

— А где мы тебе среди бела дня молока возьмем? — сказала бабуля. — Кругом людей куча. Только выйди из дома, тут же

сцапают, посадят на цепь и в зоопарк свезут — диким животным работать.

Дедуля тут совсем приуныл. Стать диким животным, да ещё в зоопарке, ему совсем не улыбалось. Однако мышьяк трещал и болел у него в животе. Пробовали дедулю отпаивать компотом, но всё зря — ему только хуже делалось.

— Не могу, — говорит, — без молока. Прямо тошнит меня без молока, дорогие телезрители.

Это дедуля всегда так говорил, — дорогие телезрители, — когда к родственникам обращался. Он раньше жил в магазине электроники, где всё время работали телевизоры. Ну, вот дедуля от телевизоров и набрался вежливого обращения. Однако дедулю пора было спасать. На его счастье, Тимка вспомнил, что сегодня понедельник и музей закрыт. А значит, людей нет и можно совершенно спокойно отправляться за молоком в соседнее здание. Там был небольшой магазин, в магазине — кладовка, а в кладовке — молоко. Это самое молоко можно было потихоньку стащить. Дедуля называл это «разжиться».

— Вчера, — говорил он, — разжился в магазине кусочком отличной ветчины.

— Опять не заплатил? — возмущалась мамуля.

— У меня только крупные купюры были, — отвечал дедуля с важностью, — а у них сдачи не нашлось. Ничего, запишут на мой счёт.

Конечно, дедуля всё выдумывал. Отродясь не было у него никаких купюр — ни крупных, ни мелких. Но сейчас было не до того. Сейчас надо было срочно спасти дедулю.

И спасти его вызвалась бабуля.

— Жди и ничего не бойся, — успокоила она дедулю. — Без молока не останешься. Всё ж таки я тебя люблю, хоть ты и в самолёты записался.

Сказав так, бабуля отправилась за молоком.

КОШКИ ШУТИТЬ НЕ ЛЮБЯТ

Конечно, если бы дедуля не наелся мышьяку, а бабуля не отправилась за молоком, ничего бы не случилось. И никогда в жизни не произошло бы тех удивительных и страшных событий, которые произошли дальше. Но обо всём по порядку...

День клонился к вечеру. Мамуля давным-давно закончила стряпать, мышата доделали уроки. Даже живот у дедули как-то сам собою перестал болеть. Общими усилиями накрыли на стол, расселись, чтобы праздновать день рождения. И тут вдруг обнаружилось, что бабуля до сих пор не вернулась.

— Что-то не видать бабули, — сказал Тимка.

— Может, молока опилась? — предположил папуля. — Молоко — оно такое. И в голову может ударить, если кислое.

Дедуля сказал, что молоко если и ударит бабуле в голову, то только вместе с бутылкой.

— Это я пошутил, — объяснил дедуля, видя, что все на него смотрят с упрёком.

Мамуля на это заметила, что время для шуток и шалостей неподходящее. Но дедуля отвечал, что у него как раз возникло желание немного пошалить. И стал кричать, что желает ещё испить компоту — для улучшения настроения.

Мамуля принялась его стыдить: бабуля пропала, а его хлебом не корми, дай компоту выпить.

— Вернется ваша бабуля, никуда не денется, — успокоил её он.

— Почему ты так думаешь? — спросила Тинка.

— Раньше всегда возвращалась, — сказал дедушка.

Но мамуля всё-таки забеспокоилась и попросила Тимку сбегать поискать бабулю.

Тимка с куском сыра в зубах выбежал из дома. Однако не прошло и десяти секунд, как он ворвался обратно. Сыр встал у него поперёк горла, шерсть на голове топорщилась. Теперь он похож был не на мышь, а на какого-то ежа.

— В чём дело? — грозно сказал папуля, увидев вместо Тимки постороннего ежа. — Что ты себе позволяешь?

— Это прическа такая модная, — догадалась Тинка. — Называется «Грязный панк».

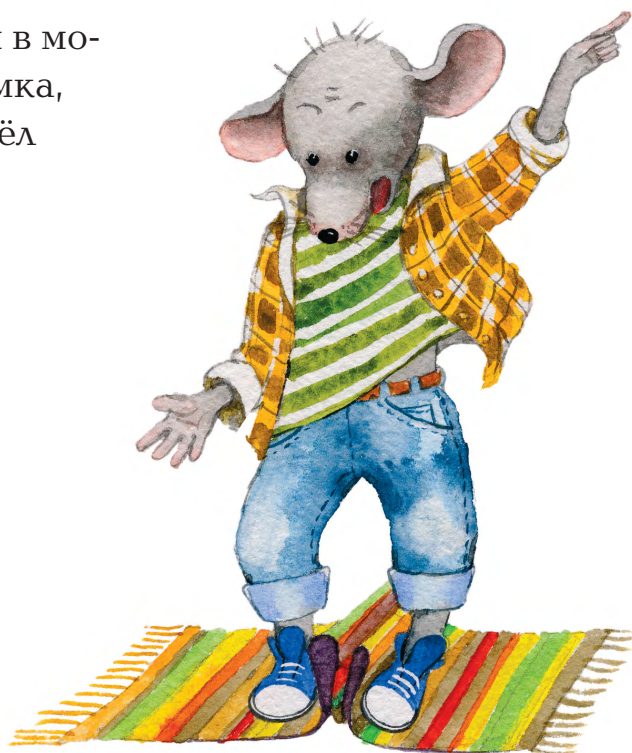
— Ерунда это, а не никакой не панк, — презрительно хмыкнул дедуля. — Вот мы, помню, в молодости...

Но никто не узнал, что делал дедуля в молодости. Потому что в этот миг Тимка, наконец, проглотил сыр и вновь обрёл дар мышьиной речи.

— Караул! — закричал Тимка что было мочи. — Помогите! Кошка!

После таких слов, все, конечно, забегали со страшной силой...

Тимка носился по комнате и безостановочно вопил. Мамуля с Тинкой, не говоря худого слова, спрятались под матрас. Папуля забрался под диван и свирепо кричал оттуда, чтобы ему подали

сюда эту кошку, он ей покажет, что такое английский бокс.

Один только дедуля сохранял спокойствие.

— Про кошку я уже понял, — сказал он. — Но, скажите на милость, где же бабуля?

Мыши с ужасом посмотрели друг на друга. Всем в голову одновременно пришла страшная мысль.

— Я это к чему говорю? — уточнил дедуля. — Я это к тому говорю: ждать мне сегодня молока, или на компот перейти?

Тут мамуля и папуля набросились на дедулю. Они кричали, что бабуля, наверное, как раз из-за кошки не может вернуться. Может быть, кошка поцарапала бедную бабулю или даже вовсе съела.

— Секундочку, дорогие телезрители, — сказал вдруг дедуля. — Вы что, думаете, что кошка встретилась с нашей бабулей?

Все опять замолчали — от ужаса. И только Тинка не растерялась.

— Да, — сказала Тинка. — Именно встретились. Бабуля и кошка.

— В таком случае, — сказал дедуля, — я этой кошке не завидую. И съел кусочек копчёной сосиски за своё здоровье.

Тут папуля и мамуля снова стали его стыдить и упрекать за то, что он такой бессердечный. На что дедуля только молча ел сосиску, время от времени приговаривая: «Нет, лично я этой кошке совершенно не завидую!»

Так бы он, наверное, и съел всю сосиску один, если бы не Тимка.

— Внимание, — сказал Тимка. — Есть идея! Героическая...

Все повернулись к нему, и даже дедуля забыл про сосиску. Она тихо повисла у него в лапе вниз головой.

— Нужно спасти бабулю, — сказал Тимка. — А для этого надо организовать спасательную экспедицию!

Тут же стали снаряжать экспедицию, хотя дедуля и уверял всех, что это лишнее.

— Вот увидите, — говорил дедуля, — ничего не будет. Я нашу бабулю хорошо знаю. Она кому хочешь жизнь испортит. Тем более — этой глупой кошке.

Но бабулю решено было всё-таки спасать. Так что дедуля со своими шутками остался в меньшинстве.

Вопрос был один: как спасти бабулю?

Главный выход из дома был перекрыт кошкой. Было слышно, как она мяукает снаружи. Значит, с этой стороны выйти невозможно. Но в доме существовал ещё один, запасной выход. Его сделали давным-давно, на всякий случай. Правда, выход этот делал дедуля, которому было лень работать. Поэтому выход получился совсем маленький. Мамуля, когда его увидела, была очень недовольна.

— Что это за выход? — говорила она. — В него даже таракан не пролезет.

Тут они с дедулей заспорили. Дедуля говорил, что даже очень толстый таракан запросто пролезет в этот выход. А мамуля говорила, что ни за что не пролезет. Так они спорили, пока дедуле не надоело.

— Буду я ещё думать о каких-то тараканах, — сказал он наконец.

— Если таракан так разъелся, пусть сначала сядет на диету и похудеет немного. А уж потом лазит туда и обратно.

Поскольку мамуля тараканов боялась, вопрос так и остался без ответа. Зато Тимка с Тинкой через этот выход проходили свободно.

— Вот видите! — гордо сказал дедуля. — Пролезают запросто. И тараканов приглашать не нужно.

План спасения бабули мышата придумали такой. Тимка и Тинка вылезают через запасной выход и отвлекают кошку. А в это

время из главного выхода выбегает папуля и показывает кошке, где раки зимуют...

— Дедуля, — уточнил папуля.

— Что — дедуля? — не понял Тимка.

Дедуля выбегает и показывает кошке, где раки зимуют.

Но дедуле такое уточнение не понравилось. Он сказал, что даже видеть эту кошку не желает, не то что ей каких-то там раков показывать.

— Я, — сказал дедуля, — к этим кошкам с самого детства отвращение имею... Я этих кошек даже видеть не могу. Эти кошки, между нами говоря, настоящие собаки!

Но тут мамуля всех перебила. Мамуля твёрдо сказала, что никто никуда выбегать не будет. Просто Тинка и Тимка пойдут на разведку и разнюхают, что и как. А потом вернутся, и тогда уже вместе можно будет решить, как помочь бабуле.

Так и сделали.

Тинка и Тимка подошли к запасному выходу и полезли прямо в него. Через секунду они оказались снаружи, в отделе рукописей, прямо на одной из полок.

Сначала они никого не увидели. Но вдруг Тинка пихнула Тимку в бок.

— Гляди! — прошептала она, показывая вниз.

И тут Тимка увидел кошку. Кошка была красивой, трехцветной. У неё была полосатая спина, как у тигра, но на ногах были белые носочки, которые тигры обычно не носят. Людям бы такая кошка наверняка понравилась, но мышатам она показалась очень страшной.

Кошка стояла внизу, на полу, и смотрела куда-то вверх. Мышата посмотрели туда же, и на самой верхней полке, под потолком, увидели бабушку. Кошка не моргая смотрела на бабушку, как

будто гипнотизировала её. А бабушка в ответ тоже гипнотизировала кошку — показывала ей фигу.

— Ничего ты не получишь, — сказала бабушка громким голосом. — Даже не надейся, глупое животное!

Глупое, по мнению бабушки, животное только облизнулось в ответ.

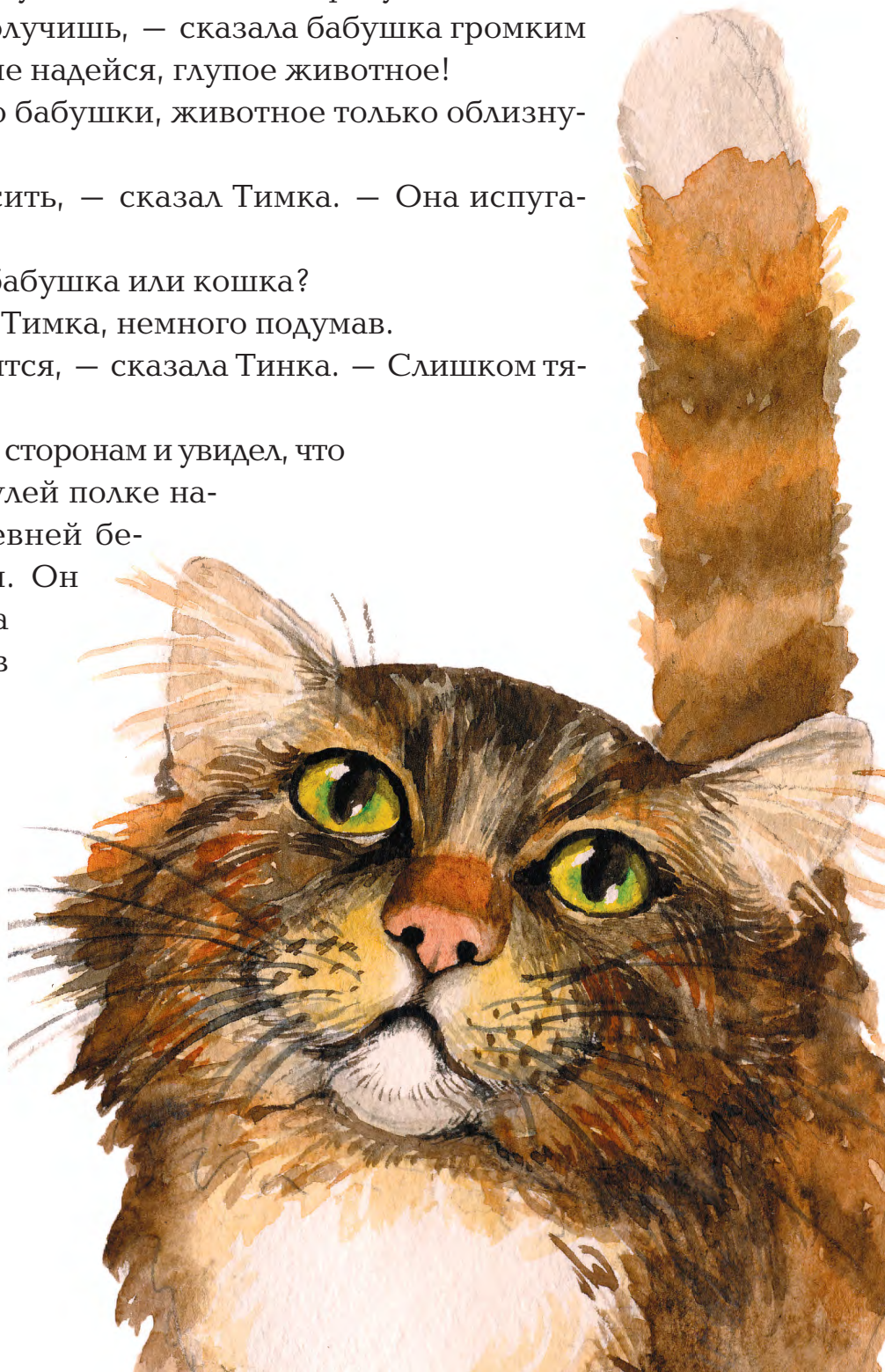
— Книгу бы сбросить, — сказал Тимка. — Она испугается, убежит.

— Кто убежит — бабушка или кошка?

— Обе, — отвечал Тимка, немного подумав.

— Книгу не получится, — сказала Тинка. — Слишком тяжёлая.

Тимка огляделся по сторонам и увидел, что на соседней с бабулей полке находится кусок древней берестяной грамоты. Он знал, что береста использовалась в старые времена, на ней писали вместо бумаги.

В музее береста обычно хранилась в специальном месте, а тут лежала прямо среди книг. Может, какой-то рассеянный учёный забыл её положить на место. В любом случае, эта береста могла им помочь.

Бабуля сама не могла добраться до бересты, а вот у мышат бы получилось.

Спустя секунду они уже карабкались по полкам вверх, используя когти, зубы и хвосты. На беду, мышат увидела кошка — и, дико мяукнув, прыгнула за ними. Страшные когти сверкнули в воздухе — и Тинка завопила не своим голосом. Тимка обмер и обернулся... Но, к счастью, кошка промахнулась. Сорвавшись с полки, с пронзительным воем полетела она вниз и шлёпнулась жирным боком прямо об пол. Вид у неё был очень обиженный.

Через минуту мышата уже добрались до нужной полки. Им повезло: береста лежала почти на самом краю. Как будто её специально так положили, чтобы было удобнее сбрасывать на кошек.

— Уж больно она легкая, — сказала Тинка, трогая бересту. — А кошка вон какая здоровая. Что ей эта береста?

— Нам главное — отвлечь кошку, — сказал Тимка. — А за это

время мы с бабулей как раз и убежим.

Бабуля, конечно, тоже уже заметила мышат.

— Вы что здесь делаете? — рявкнула бабуля.

— Тебя спасаем! — пропищала Тинка. — Мы кошку отвлечем — а ты беги!

— Навались! — велел Тимка, сам подталкивая бересту плечом поближе к краю.

Тинка бросилась к нему.

— Стойте! — закричала бабуля. — Погодите!

Однако мышата уже не слушали её.

— Вперед! — крикнул Тимка и, щёлкнув хвостом, толкнул бересту. Береста покачнулась и полетела вниз. А следом за ней, не удержавшись, вниз полетели и мышата. Прямо в раскрытую кошкину пасть.

— Назад! — грозно завопила бабуля им вслед. — Назад, я кому говорю!

Мышата и рады были бы лететь назад, но не могли. Они умели падать только вниз, а вверх — никак. И вот суровое всемирное тяготение несло их вниз всё быстрее и быстрее, прямо в пасть к кошке. Голова у них закружилась, они закрыли глаза и приготовились к немедленной смерти...

МЫШЬ — ЖИВОТНОЕ СВИРЕПОЕ

Тимка открыл глаза. Болел ушибленный об земное притяжение бок. Зато искры из глаз уже почти не сыпались.

Тимка посмотрел вокруг. Он лежал посреди большой просторной комнаты, в которой вполне мог помещаться сырный склад. Но сыр здесь почему-то не хранили. Вместо сыра стоял длинный

стол и вдоль него — совершенно невкусные лавки. Тимка на всякий случай все-таки попробовал одну — и тут же выплюнул: вкус был неинтересный, деревянный.

«Вот всегда так — подсунут вместо сыра какую-то ерунду, а ты зубы ломай!» — подумал Тимка.

В небольших оконцах вместо стёкол был вставлен бычий пузырь, тоже, похоже, не очень-то съедобный. Сквозь эту несъедобность слабо пробивалось солнце.

На полу лежала береста, которой они с Тинкой бросались в кошку. Вот только кошки почему-то не было.

Сладко пахло тёсанным деревом и молоком.

И тут Тимка вспомнил, как они полетели с полки вниз, прямо в пасть кошке...

— Может быть, меня съели, и я умер? — сказал сам себе Тимка. Он осмотрел себя со всех сторон. Вид у него был довольно цветущий.

— Нет, все-таки непохоже, что я умер, — решил Тимка. — Похоже, что я, наоборот, совсем не умер! Но если меня будут кормить одними лавками, так недолго и похудеть...

— Отродясь не видела такого болтуна! — раздался рядом ворчливый голос бабули.

Тимка даже подпрыгнул на месте от неожиданности. Подпрыгнув, он почувствовал, что сидит на какой-то мягкости. И эта мягкость издавала недовольные звуки.

— Хватит прыгать на мне, слон! — голосом Тинки закричала мягкость.

Вот оно что! При падении Тимка спланировал точно на Тинку. Да ещё и подпрыгивал на ней теперь. Само собой, Тинка назвала его слоном. А как ещё назвать человека, который мало того, что сел на вас, так ещё и подпрыгивает изо всей силы?

Однако Тимка не обиделся. Наоборот, почувствовал гордость. Слон был толстым и красивым парнишей. Тимка видел его на картинке. У слона имелись четыре ноги и хобот — чтобы отнимать бананы у других слонов. Обычно слон жил в зоопарке. Кормили его три раза в день: ананасами, бананами и прочими вкусностями. В общем, слон хорошо устроился.

Тимка тоже хотел бы быть слоном — при условии, что его будут так же хорошо кормить.

Чтобы почувствовать себя настоящим слоном, Тимка собрался ещё раз подпрыгнуть на Тинке. Но тут бабуля с криком «Только слонов нам тут и не хватало!» согнала его на пол.

— Где мы, бабуля? — жалобным голосом спросила Тинка.

Бабуля подковыляла к бересте и с мудрым видом понюхала её.

— Грамотка берестяная, новгородская, XII века, — сказала бабуля важно. — Значит, мы в Новгороде. В XII веке.

— Опять в прошлое угораздило! — возмутился Тимка. — Ну как нарочно! Хоть бы раз в колбасный отдел попасть. Сыром хоть тут угостят усталых путников?

— Не надейся, — отвечала Тинка. — С твоей физиономией, усталый путник, — даже не рассчитывай.

Тимка надулся было, но тут бабушка их облаδέ-жила.

— Зато, — сказала бабушка, — здесь нет кошек. Нет этих волосатых, хвостатых, мяукающих чудовищ, которые так нас любят.

— В смысле — любят нами пообедать, — уточнила Тинка.

— А куда же кошек дели? — поинтересовался Тимка.

— Никуда не дели, — отвечала бабуля. — Их

просто ещё не привезли. Кошка ведь зверь заморский. Можно сказать, иностранец.

— Вот и пускай этот иностранец сидит себе за морем, а к нам не суется, — заметил Тимка. Тимка и своих-то кошек не любил, а иностранных и подавно.

Но Тинка всё не унималась.

— Если кошек нет, как же здесь нас, мышей, ловят?

— С рогатиной выходят. Как на медведя, — буркнула бабуля. — Мышь, известно, животное свирепое. Поцарапать может.

Тинке понравилось, что она — свирепое животное. Она даже немного порычала и оскалила зубы, чтобы уж никто не сомневался. Но тут дверь открылась, и в комнату вбежали двое мальчишек. Один был повыше и худой, другой пониже и толстенький.

С виду мальчишки были как мальчишки, только одеты странно. На обоих были длинные, до колен, холщовые рубахи и коричневые порты, то есть, говоря по-нашему, штаны. У высокого

на ногах надеты были тапочки с ремнями, а у того, кто потолще — кожаные сапожки. Стрижены они были оба одинаково — в кружок. Как будто обоим надели на голову по горшку, а то, что вылезло наружу, состригли. А горшки, наверное, разбили потом молотком, потому что погода была тёплая. А какой смысл носить горшок на голове в тёплую погоду? Разве что от солнечного удара хорошо.

Но, видно, мальчишки не боялись солнечного удара. Поэтому горшки они сняли и остались в натуральном виде.

Когда ребята вбежали в комнату, Тинка и Тимка шмыгнули под лавку. Потому что с мальчишками шутки плохи. Поймают за хвост и посадят в клетку. Объясняй им потом, что ты — свирепое животное.

Одним словом, мышата быстро спрятались. А бабуля замешкалась — радикулит ей поперёк дороги встал. Тут её и увидели ребята.

— Глянь, мыш хвостатый! — завопил высокий.

— Где? — загорелся маленький.

— Да вон стоит, зенками лупает.

— Дай-кось, Данила, я ему вдарю по сусалам!

— предложил маленький деловито, подступая к бабуле.

Бабуля попятилась. Видно было, что она не горит желанием получить по сусалам.

— Истинный ты богатырь, Онфим,

— насмешливо отвечал высокий.

— Тебе бы только мышей по сусалам бить. Всех прочих чудовищ уже одолел.

— Ты, Данила, мышей не знаешь, — запальчиво отвечал Онфим.

— Эта зверюга злее дракона будет. Вот он стоит, стоит, а потом как прыгнет — и в палец вцепится. Что тогда скажешь?

— Ништо, не вцепится, — отвечал высокий. — Я вот его сейчас поймаю, да обучу разным хитростям. Будет у меня мыш учёный.

— Да ты-то, Данила, сам учёный только вполовину, где тебе мышей учить! — отвечал Онфим.

Однако Данила уже протянул руку и сцапал бабулю. Так ловко сцапал, словно всю жизнь мышей ловил.

— Пропала бабуля! — пискнула Тинка. — Сейчас её учить начнут...

Но уж бабуля, конечно, не затем прожила столько лет, чтобы её снова учили. Ещё бы на экзамены отправили, дуралеи!

Поэтому бабуля открыла рот и не говоря худого слова сказала:

— А ну-ка, молодые люди, немедленно поставьте меня на место!
У мальчишек челюсти так и отвисли.

— Ась? — сказал Данила и посмотрел на Онфима. — Это ты, что ли, со мной шутикуешь?

— Как это я с тобой шутикую? — насупился Онфим.

— Известно, как! Говоришь пискливо. Звук, поди, из живота пустил, а рот закрытый...

— Ничего я из живота не пускал, — обиделся Онфим. — Мне что в живот попало, того назад не отдам.

Но тут бабушка снова строго заметила:

— Хватит с меня ваших глупостей! Быстро ставьте меня на место!

Данила от испуга ойкнул и едва не выпустил бабулю. Глаза у Онфима сделались круглые, как бублик.

— А мыш-то... — прошептал Онфим.

— Мыш-то у нас непростой. Человеческим голосом разговаривает...

— Может, он ядовитый? — опасливо спросил Данила и быстренько поставил бабулю на стол. — Как бы за палец не тяпнул.

— Но-но, повежливее! — сказала бабушка. — Сами вы ядовитые.

Тут на помощь бабуле выскочили из-под лавки Тимка и Тинка. Увидев, что мышей стало трое, мальчишки ещё больше испугались.

— Их трое, а мы одни, — дрожащим го-

лосом сказал Онфим. — Если в драку полезут, худо нам придётся.
— Может, ещё не полезут... — с надеждой сказал Данила.
— Вы кто такие? Как зовут? — Тимка сурово нахмурился.
— Данила я, — сказал Данила. — Плотника, стало быть, Гюргия сын.
Все посмотрели на толстого. Тот до сих пор трясся.
— А я этот... как его... — он даже имя своё забыл со страху.
— Онфим это, — сказал Данила. — Отец его — Животко, богатый гость.
— Это что за профессия такая — гость? — удивилась Тинка. — Да ещё к тому же богатый...
— А что — хорошая профессия, — оценил Тимка. — Ходишь в гости ко всем, везде тебя угощают. Я бы гостем поработал.
— Гость по-древнерусски значит — «купец», — объяснила бабуля.

ЧЁРНЫЙ ПЁС УНОСИТ КУКШУ

Из дальнейшего разговора выяснилось, что мыши попали в Антониев монастырь, прямо в трапезную.

— В трапезную? — оживился Тимка. — Значит, скоро кормить будут?

— Здесь, в трапезной, только монахи кормятся, — объяснил Данила Тимке. — Вы, часом, не монахи будете?

— Не похоже, что он монах, — задумчиво сказал Онфим. — Он больше на мыша смахивает.

— Мыш и есть, — сказал Данила. — Где ты видел монаха с хвостом?

— А где ты видел говорящего мыша?

Но Тимка прервал этот учёный разговор.

— Ну, если здесь монахи кормятся, что вы-то сами тут делаете?

— А нас, отроков, тут учат. Букварь читаем, Часослов, Псалтирь. Оказалось, что в Новгороде грамоте учились все дети — и богатых родителей, и бедных. Даже девочки — и те ходили в школу. Но такое было только в Новгороде, в остальных русских городах было иначе.

Мыши тоже представились ребятам. Видя, что мыши не кусаются и вообще ребята хорошие, мальчишки приободрились. Стали разговорчивее.

Тут Онфим заметил лежавшую на полу бересту, на которой прилетели из будущего мыши. Нагнулся, стал читать вслух по складам:

— «От Тво-ри-ми-ра кы Фо-ме. Кла-ня-юсь те-бе, брате, за-хо-ди в мой двор...»

— Это какой же Творимир? — перебил его Данила. — Не тот ли, что на Холопьеи улице живёт?

— Знамо, он, — отвечал Онфим. — И брат у него имеется, Фома-каменщик. Злой как собака. Я в него как-то камнем угодил, так он меня после лозой хлестанул. Главное, камень-то небольшой был, с кулак. А он — сразу в драку.

И Онфим с обидой посмотрел на бересту, как будто это она лезла в драку.

— Ужо я ему грамотку-то поломаю, — сказал Онфим. — Не узнает, что брат его к себе зазывал!

И он было взялся за бересту. Но тут бабуля вмешалась.

— Не трогай, — сказала она Онфиму. — Эта береста нам нужна, чтобы домой возвратиться. Без неё мы навсегда здесь останемся. В этот миг дверь открылась и в трапезную, вопя, ввалилась ватага ребят. Данила быстро спрятал мышей в котомку, где у него лежали таблички для писания.

От общей кучи учеников отделился рыжий веснушчатый мальчишка, подскочил к Онфиму и выдернул у него из рук бересту.

— Чего это у тя? Дай глянуть!

Бабуля высунулась из котомки и крикнула Даниле.

— Верни бересту!

— Ага, вернёшь теперь, — пробурчал Данила. — Этот Кукша хуже змеи-ехидны...

Рыжий Кукша, увидев говорящую мышь, чуть на пол не сел.

— Это чего у вас? Мышь? Взаправду говорит? — не поверил он.

— Нет, только песни поёт под гусельки, — съязвил Онфим. — А есть у нас другой мыш, тот и счётной премудрости умеет.

— Бересту верни! — велел Данила.

— Шиш те, а не бересту! — отскочил Кукша. — Хочешь бересту, давай меняться. Ты мне — мыша говорящего, я тебе — грамотку!

— Последний раз говорю: отдай! — Данила грозно поднялся со скамьи.

— Вот тебе! — и Кукша продемонстрировал неприятелю немый кукиш.

Даниле вид кукиша показался обидным, и он бросился на Кукшу с кулаками. Завязалась потасовка. Все, кто был в трапезной, собрались вокруг сражающихся. Мыши и Онфим, конечно, болели за Данилу и всячески его подбадривали.

— Ура, мы ломим! — вопил Тимка.

— Шайбу, шайбу! — кричала бабуля.

Бой выходил примерно равным. Мальчишки пыхтели, возили друг друга носами по полу, но одолеть никто не мог.

Онфим сам в драку не лез, зато суетился вокруг — давал полезные советы.

— Дай ему в нос! Так, хорошо... А теперь уши откуси — он этого не любит.

— Зачем же уши откусывать? — удивился Тимка. — На них же шапка держится.

— А он шапку всё равно не носит, — отвечал Онфим. — Так что уши ему без надобности.

— Совсем без ушей тоже неинтересно, — заметила бабушка.

— Ну, ладно, — великодушно сказал Онфим. — Все уши откусывать не обязательно. Одно можно оставить. Для красоты.

Все были так увлечены дракой, что никто не заметил, как в классе появился монах-учитель отец Матфей. Высоченный, как журавль, худой, длинноволосый, в чёрном подряснике, он навис над бойцами. Секунду наблюдал, как бы ожидая, кому присудить победу. Так и не склонившись ни на чью сторону, цепкими пальцами впился каждому в ухо и поднял с пола. Оба стояли теперь на цыпочках. Отец Матфей держал ребят за уши, а они на этих ушах почти висели.

— Ы-ы-ы! — жалобно завывали и Кукша, и Данила. — Пусти, отче!

Мыши испуганно спрятались в котомку. Онфим заслонила котомку собой.

— Кто драку затеял? — елеиным голосом осведомился отец Матфей.

— Он! — в один голос сказали Кукша и Данила, показывая друга на друга.

— Из-за чего пря разгорелась? — продолжал допрос учитель.

— Он мыша принёс говорящего! — заголосил Кукша.

Монах нахмурился.

— Пошто врёшь?

— Я не вру, — заныл Кукша. — Он мышу вопросы задаёт, а мыш ему отвечает. Человеческим языком.

Через минуту наказанный Кукша уже стоял в углу на коленях

и озабоченно потирал распухшую филейную часть. Учитель всыпал ему розог — за враньё.

Однако победа была неполной. Хитрый Кукша успел всё-таки схватить бересту и спрятать себе за пазуху. Теперь он время от времени поворачивался и быстро, чтоб не заметил монах, показывал Онфиму и Даниле язык.

Урок шёл своим чередом. Ученики по очереди читали вслух Псалтирь, потом упражнялись в писании слогов и слов. Писали они на вощёных табличках железными и костяными палочками.

Такая палочка так и называлась — писало.

С одной стороны, она была острая, с другой — круглая. Написав, затирали написанное круглой частью, и дощечку можно было использовать снова.

Мыши тем временем тихо сидели в котомке. Бабуля объясняла им, что с ними случилось и почему она в этот раз вместе с ними попала в прошлое.

— А что, — спрашивала Тинка, — все мыши могут во времени путешествовать?

— Не все, — отвечала бабуля. — Но мы можем. У нас всё семейство такое. Потому что мы — не простые мыши. Мы — Хранители времени.

— А что делают эти Хранители? — поинтересовался Тимка.

— Приглядывают за временем, — отвечала бабуля. — Чтобы времена не перепутались. А если что не так, наведут порядок.

— Вот это да! — ахнула Тинка. — А я-то думала, откуда мы человеческий язык знаем?

— Выходит, мы не обычные мыши, а волшебные! — возликовал Тимка. — А чего мы ещё можем?

— Мы много, чего можем, — сказала бабуля. — Только до поры до времени вам этого знать не надо.

— Бабуля, я все-таки одного не понимаю, — сказала Тинка. — Как это у нас получается путешествовать во времени?

Бабуля посмотрела на неё внимательно.

— Чтобы попасть, например, сюда, в XII век, нужно было взяться за какой-нибудь предмет из этого времени...

— ...Например, за берестяное письмо, — догадался Тимка...

— ... Потом щёлкнуть хвостом и крикнуть: «Вперёд!» И мы в XII веке.

Мышата посмотрели друг на друга. Физиономии у них стали довольно кислыми.

— А мы раньше без всякого щёлканья перебирались, — робко сказал Тимка. — Это неправильно, да?

— Мы, наверное, неправильные хранители, — с грустью кивнула Тинка.

Но бабушка объяснила, что раньше мышата были маленькими, и многие вещи у них получались сами собой. Но теперь они повзрослели и должны соблюдать магический ритуал, а иначе толку не будет.

— А почему же здесь лето, если у нас была зима? — спросил Тимка.

— Наверное, береста была летом написана. Вот мы в лето и переместились, — отвечала бабуля.

— Ну, хорошо, — сказала Тинка. — Сюда мы переместились. А обратно как?

— Чтобы попасть обратно, надо взяться за бересту, щёлкнуть хвостом и крикнуть «Домой!» — объяснила бабуля.

— Так давайте скорее обратно! — обрадовалась Тинка.

Тимка скорчил рожу:

— Ага, мы — обратно, а нас там кошка ждёт! Добро пожаловать, уважаемый обед!

— Нет, я обедом быть не хочу, — сказала Тинка.

Бабуля тоже не хотела быть обедом.

— Стара я уже обедом быть, — сказала бабуля решительно. — Не те мои годы... Так что обед из мышей отменяется. Но для начала надо бересту вернуть. Потому что без неё мы назад не перенесёмся. А береста наша — у Кукиша этого.

— У Кукши, — поправила Тинка.

— Не вопрос, — сказал Тимка.

— Сейчас урок закончится, и мы у Кукиша бересту отнимем...

— У Кукши, — снова поправила Тинка.

— Тем более отнимем! — сказал Тимка.

В этот момент снаружи раздалось странное рычание. Мыши высунули головы из котомки — и замерли от ужаса.

В углу трапезной стоял огромный чёрный пёс. Зубы его были оскалены, глаза сверкали мрачным огнём. Рядом с ним на коленях трясся маленький рыжий Кукша. Весь класс, оцепенев, смотрел на пса. Белый как мел учитель-монах поднял дрожащую руку: — Изыди, Сатана...

Пёс оскалился, обнажив громадные клыки, и так рывкнул на монаха, что тот без чувств грохнулся на пол. Пёс обвёл окаменевших детей жутким взглядом, взял сжавшегося Кукшу зубами за ворот и поволок вон из трапезной.

ТИМКУ ДЕЛЯТ НА ДВЕ ЧАСТИ

Данила и Онфим бойко топали по новгородским улицам, мощёным брёвнами. Правда, некоторые улицы не замостили — то ли забыли, то ли брёвен не хватило. На таких улицах грязи было по самые мышинные уши. Мальчишкам приходилось как зайцам скакать через грязь и лужи.

По дороге Данила и Онфим обсуждали сегодняшние события. Мыши высунули голову из котомки, слушали разговор.

— Люди говорят, что пёс сей не пёс был, а вылитый чёрт, — оживленно рассуждал Онфим.

— Дедушка твой чёрт! — отмахивался Данила. — У чёрта роги на голове и копыты... Где у того пса копыты?

— Копыты шерстью поросли, их и не видно. А роги он внутрь втянул, — не сдавался Онфим.

— Это ты вон уши внутрь втянул, их и не видно, — говорил Данила. — А пёс этот — собака. И неча спорить.

Онфим, однако, упёрся.

— Отец Матфей, как в себя пришёл, к настоятелю побежал. Так и так мол, отче. Дьявол ученика унёс.

— А тот чего?

— Осерчал. Какой тебе, грит, дьявол? Пёс сбесился — это было. А про чертей даже не поминай. Тот опять за своё. Ну, тут уж настоятель не на шутку разозлился. Наложил епитимью, заставил отца Матфея земные поклоны бить.

— И правильно сделал, — заметил Данила.

Наконец Тимка не вытерпел. Вмешался в разговор.

— Чёрт это был или другое животное — не важно. Только я бы на вашем месте вечером из дому не выходил. Неприятностей не оберёшься.

Тут только мальчишки вспомнили про мышей.

— Что с ними делать будем? — спросил Данила, кивая на котомку.

— Как — чего? Поделим поровну и домой возьмём.

— Как это ты трёх мышей напополам делить будешь?

— Очень просто. Полтора мыша тебе, полтора мне. Чур, мне с хвоста половинку! А ты, так и быть, бери, которая с носом.

Такая идея мышам не понравилась.

— Я себя пополам делить не дам! — заявил Тимка.

— Насколько ж тебя делить? — удивился Онфим. — На три части, может?

— Ни насколько не надо, — отвечал Тимка. — Я вообще делиться отказываюсь.

— Да, — сказала Тинка. — Мы вам не амёбы какие-нибудь!

— Лучше мы вас самих поделим на части, — сказал Тимка мальчишкам. — Лично я себе беру со стороны носа.

Онфим почесал в затылке. Посмотрел на Данилу.

— Верно говорят хвостатые. Как живую мышь делить? Неладно выходит.

Данила кивнул согласно.

— Давай уж, сегодня я их всех троих к себе возьму, а завтра ты.

— Идёт, — согласился Онфим.

И Данила понёс мышей к себе домой.

— Вы сами откуда будете? — спросил он по дороге.

— Из Москвы, — отвечала бабуля. — Слыхал?

— Не слыхал, — неуверенно отвечал Данила.

— Не слыхал про Москву? Да ты серый, как штаны пожарника!

— возмутился Тимка.

Но тут бабуля его одёрнула и прошептала, что в то время Москву и правда мало кто знал, и была она даже не городом, а княжеской усадьбой.

— А вот у нас град особенный, — хвастался между тем Данила.
— У нас, в Новгороде, вече всем заправляет. У вас-то, небось, князь верховодит?

— Вроде того, — туманно сказала бабушка.

— Ну, совсем без князя, конечно, тоже нельзя, — солидно согласился Данила. — Только мы своего князя сами выбираем. Собирается народ на Торгу и решает, какого князя позвать. Не понравился князь — его сбросили, другого нашли.

— Ну, нашего князя так просто не сбросишь, — заметила бабушка. — Не то у него воспитание.

— У нас, стало быть, выходит власть народа, — сказал Данила. — А у вас?

— Мы до такого пока не дошли, — отвечала бабушка. — У нас пока только суверенная демократия...

Так, за разговорами, вышли к реке. Река была быстрая, холодная. Называлась Волхов.

— Волхов-река град наш на две части делит, — объяснил Данила.

— Я гляжу, тут у вас любят всё делить, — угрюмо сказал Тимка. Он ещё не забыл, как его хотели поделить на две части — хвостовую и носовую.

— Тут, значит, Торговая сторона, а там Софийская, — говорил Данила. — На Софийской стороне владычная палата и собор Софии — Премудрости Божией. Тут же Ярославово дворище или, по-другому, Торг. На Торгу весь народ собирается на вече. А вече все важные вопросы и решает.

Мыши слушали с интересом.

Ещё одним новгородским начальником, кроме князя, был посадник. Его тоже выбирали горожане. Жил в городе и архиепископ, главный в делах веры. Он же хранил городскую казну и печать.

Из большого начальства Данила упомянул ещё тысяцкого, он командовал городским ополчением.

Незаметно дошли до дома Данилы. Дом был огорожен частоколом, деревянный, приземистый, в один этаж.

Пол внутри дома был земляной, утоптаный. Маленькие окна, как и в трапезной, затянуты бычьим пузырём.

— Что же у вас, стёкол совсем нет? — спросила Тинка.

— Почему нет? — обиделся Данила. — Стёкла в церквах. В дом же их не поставишь — дорогие страшенно.

Прежде чем войти в дом, Данила задумчиво поглядел на мышей.

— С родителями знакомиться не заботитесь? — спросил он нерешительно.

— Кто ещё кого заботится! — Тимка напряг мускулатуру на хвосте. — У меня, если хочешь знать, чёрный пояс по каратэ.

Но бабушка сказала, что с родителями знакомиться не обязательно. Не всякому родителю понравится, если на нём каратэ будут показывать.

Мыши спрятались обратно в котомку. Данила вошёл в дом.

Отец Данилы ушёл по делам. Но мать и младшая сестра ждали его с нетерпением. Слухи о том, что в городе появился громадный пёс, который ворует детей, дошли уже и до них.

Даниле отломили здоровенную краюху хлеба, положили каши, налили молока. Он с аппетитом взялся уписывать кашу, запивая молоком. Попутно в красках расписал всё, что было на уроке. Приврал, конечно, слегка — не без того.

— Этот пёс проклятый с быка будет ростом! — рассказывал Данила и показывал руками, какой огромный этот бык, а заодно и пёс. — Как он схватит Кукшу поперёк живота — тот и пикнуть не смог.

Младшая сестренка испуганно ойкала. Мать крестилась: «Господи, помилуй!»

Мыши в котомке сидели тихо, в разговоры не вмешивались.

Вечером пришёл отец Данилы. Рассказывал, что за день ещё нескольких детей уволок чёрный пёс.

— Неужто отбить не пытались? — спрашивала мать.

— Пробовали, — говорил отец. — С вилами гнались за ним, с дре-

кольем. Да где там — уж больно быстрый. Налетел как вихрь, схватил — только его и видели. Нечистая сила, одно слово!

— Что же это дальше будет? — вздыхала мать.

Отец хмурился, молчал.

Спать мыши легли прямо в котомке. Данила незаметно кинул им туда меховой лоскут. Бабуля и Тимка укрылись, а Тинке хватило только, чтобы укрыть живот и передние лапки.

Ночью Тимка проснулся от того, что Тинка хныкала.

— Ты чего? — спросил он.

— Ветер поддувает, — пожаловалась Тинка. — Вся попа замёрзла.

— Ой, какая информация неинтересная, — поморщился Тимка.

— Советую переменить тему.

Но Тинка не желала менять тему, а только всё хныкала и хныкала. Наконец Тимка сжалился и поделился с ней лоскутом, после чего оба сладко уснули.

ЖИРОСЛАВ ПУГАЕТ ВЕЧЕ

Утром их разбудил колокол. Со сна, не разобравшись, мыши начали голосить.

— Пожар! — кричала бабуля.

— Потоп! — надрывалась Тинка.

— Батарей отключили! — вопил Тимка.

Но тут в котомку сунул нос Данила. Вид у него был взбудораженный.

— Колокол на вече зовёт!

Данила схватил котомку с мышами и побежал на Торг, где уже собирался народ. Тут же толкался Онфим.

— Ты где ходишь?! — закричал он, увидев Данилу. — Люди про пса толкуют.

— Что говорят? — спросил Данила.

— Оборотень, говорят, не иначе. Колдун в пса перекидывается и детей ворует.

Толпа волновалась, шумела. Посадник — важный, богато одетый, пытался перекричать народ, но его не слушали. Бояре стояли отдельно от простого народа, вид у них был хмурый.

Из толпы высунулся юродивый Мишаня. Завыл волком, залаял по-собачьи, начал блажить.

— Спасайся, православные! Конец света грядёт! Сожрёт чёрный пёс меньших людей, после за бояр примется...

Народ оледенел от ужаса. Даже бояре в лице переменились от такой перспективы.

Но тут из толпы выскочил гончар Жирослав. Морда толстая, неумытая, волосы сальные, торчат во все стороны.

— Дозвольте, — закричал, — новгородцы, слово молвить!

— Давай, Жирослав! — подбодрили из толпы.

— Дуй до горы!

— Рассказывай, что знаешь!

Посадник кивнул: говори. Жирослав степенно поклонился на все четыре стороны.

— Видел я, — сказал Жирослав, — вчера вечером чёрного пса. Бежал он по Великой улице. Страшен был. Зубы как ножи, из глаз адский пламень рвется.

— Дело говори, — закричали в толпе.

— Я и говорю! — Жирослав повысил голос. — Добежал пёс до дома иконописца Олисея Гречина, стал скрестись в дверь когтями да грызть её зубами. Однако дверь там крепкая, выдержала. Тут пёс завыл, заскулил, да и перекинулся в человека. Увидел меня — и прочь побежал.

— Что за человек? — закричали в толпе.

— Не узнал я его,- отвечал Жирослав. — Не наш он, не новгородский.

Тут посадник, наконец, возвысил голос.

— Как выглядит, скажи?

— Одежда на нём немецкая, богатая, — отвечал Жирослав. — Волосы белые. Борода стриженная. На правой щеке — шрам через всё лицо. Онфим охнул.

— Так это же Ганс, — прошептал он. — Отец Беаты!

— Кто такая Беата? — высунулся любопытный Тимка.

— Беата — подружка наша, дочка Ганса, — объяснил Данила. Ганс был богатый немецкий купец. Он часто приплывал в Новгород, покупал тут разные товары: мёд и воск, пушнину и кожи. Толпа зашумела. Многие по описанию узнали Ганса.

— Истинно — колдун этот купец!

— Немцы — они все такие! — завопил кто-то. — Слюнями крестятся!

— Пресным хлебом причащаются! — подхватил кто-то.

— Бобра в пост едят!

— Вера их неправильная, латинская! Им душу загубить ничего не стоит!

Данила глянул на Онфима.

— Бегом на Немецкий вымол — Беату спасать!

Мальчишки выбрались из толпы и помчались по улицам. Мыши в котомке тряслись и подпрыгивали от быстрого бега.

— Ба-ба-ба-буля... — стучал зубами Тимка. — Что та-та-такое вы-вы-вымол?

— Пристань, — отвечала бабуля. — Там купеческие корабли причаливают.

Данила и Онфим добежали до Немецкого вымола. Прямо у пристани стоял корабль Ганса.

Мальчишки взбежали на корабль. Навстречу им вышел сам Ганс. Точь-в-точь такой, как его Жирослав описал: высокий, волосы светлые, борода стриженная, короткая, а на правой щеке — шрам. — Дядя Ганс, бежать вам надо! — завопили ребята.

Но Ганс был упрям, как все купцы. Пока не рассказали ему, в чём дело, никуда бежать не хотел. Услышал про пса, про колдовство, только плечами пожал.

— Отшень глупая история! Опоротней нет на сфете... Это фсем исфестно...

И только, когда толпа с криком высыпала на пристань, понял, что дело серьёзно, побледнел. Стал оглядываться по сторонам — да уже поздно было.

— Ганс, выходи! — ре-
вела толпа. — Добром
выходи, хуже будет!

Дочка Ганса, Беата, при-
бежала, напуганная. В гла-
зах её стояли слёзы. Но даже и
так она была прекрасна: глаза синие,
как васильки, волосы золотом на солнце горят.

Тинка даже немного позавидовала ей.

— Учись, как быть красивой, — сказал ей Тимка.

— Подумаешь, красавица! — фыркнула Тинка. — У неё даже хво-
ста нет.

— Фот что, репята, — сказал Ганс, тревожно поглядывая на толпу.

— Сбоку от корабля есть малая шлюпка на двух челофек. Берите
Беату, садитесь в неё. Фы малыши, фы флезете.

— А вы?! — крикнул Данила.

— Я их садержу, — отвечал купец, беря в руки тяжёлое весло. —
Идите, бегом. Спасайте мою тохтер! И знайте, я ни в чём не фи-
нофат.

С этими словами Ганс вышел к толпе. Ребята попрыгали в шлюпку
и под прикрытием корабля отчалили. Быстрый Волхов нёс их
вниз по течению.

Они ещё успели увидеть, как Ганс с веслом в руках бесстрашно
спрашивал у толпы:

— Што фам надо?

— Детей верни, оборотень! — выла толпа. — Иноземное отродье!

— Я не брал фаших детей! — крикнул Ганс.

Толпа пошла на купца. Беата, сидя в шлюпке, плакала и кричала:

— Фатер! Фатер!

— Не кричи, услышат! — испугался Онфим, выгребая веслом.

— Они убьют его!

Ещё секунда — и толпа поглотила одинокую фигуру купца. Но в этот миг река снесла шлюпку за поворот, и Немецкая пристань скрылась из глаз ребят.

Все подавленно молчали. Только Беата тихонько всхлипывала.

— Ничего себе сходили на вече, — заметил Тимка.

Через несколько минут причалили ниже по реке. Беата прятала лицо в ладонях, плечи её вздрагивали.

— Слышь, не плачь... — неловко бормотнул Данила. — Не плачь, ладно?

— Укрыть бы её надо, — сказал Онфим. — У меня дома спрячем.

— Чего это у тебя? — сказал Данила. — Может, у меня?

— У тебя дом маленький, только мышей прятать хорошо. А у нас дом богатый, купеческий. У нас никто её искать не станет.

Данила хотел было спорить, но его остановила бабуля.

— Толстяк дело говорит, — сказала она, выглянув из котомки.

Беата, как увидела мышь, да ещё и говорящую, чуть не упала от испуга. Тут ещё и Тимка высунулся:

— Гутен таг!

Это он так образованность свою решил показать — на немецкий перешёл.

Следом за Тимкой показалась Тинка.

— Не плачь. Ты, правда, красивая, — сказала она девочке. — Даже и без хвоста, с одними лапками.

Однако, увидев такую серьёзную мышиную делегацию, девочка от страха забыла про всё на свете и бросилась наутёк.

— Кто вам вылезать велел? — разозлился на мышей Онфим. Мальчишки помчались за Беатой. Мыши опять затряслись в котомке.

Беата бежала быстро, догнать её было нелегко. Толстеный Онфим отстал сразу, а Данила ещё некоторое время держался, перебирая худыми ногами.

— Стой! — кричал Данила. — погоди, не бойся! Они плохого не сделают! Они друзья!

Беата, запыхавшись, остановилась. С недоверием посмотрела на Данилу.

— Как это мыши могут быть друзьями?

Данила открыл было рот, чтобы ответить, но тут случилось страшное. Из-за угла, рывкнув, выскочил давешний чёрный пёс, схватил Беату и понёсся прочь...

— Помогите! — донёсся издалека слабый крик девочки. И всё стихло.

Онфим и Данила в ужасе посмотрели друг на друга.

— Что же это?! — осипшим голосом пробормотал Онфим.

— Не уберегли! — в отчаянии крикнул Данила.

В ЛОГОВЕ КОЛДУНА

Унылые и понурые шли Данила и Онфим по новгородским улицам. Шли, не разбирая дороги, перепачкались в грязи, как два поросюка.

— Что делать-то будем теперь? — наконец спросил Онфим. — Где Беату искать?

— Не знаю, — буркнул Данила. — Ганс на нас понадеялся, а мы — словно две вороны. Онфим промолчал — отвечать было нечего.

— Может, с мышой посоветоваться? — вдруг вспомнил Онфим. Данила открыл котомку и ахнул. Внутри никого не было.

— Вот те раз, — убитым голосом сказал Данила. — Вовсе мы с тобой никчемные люди. Даже мыши от нас сбежали.

Тем временем мышата во главе с бабулей неслись по лесу. Они мчались по следам чёрного пса, находя их в траве чутким мышиным нюхом. Сам чёрный пёс с Беатой давно уж скрылся из виду, но резкий запах оборотня хорошо держался на земле, траве и кустах.

Только в сумерках мыши, наконец, добрались до логова чёрного пса.

Мрачная приземистая длинная изба стояла на поляне, окружённая вековыми елями. Здесь запах кончался.

Тимка и Тинка, как более шустрые, отправились на разведку.

Бабуля осталась ждать их в кустах у леса. Тимка, шевеля усами, побежал вокруг избы и первым добрался до скотного двора. Там в загоне гуляла упитанная свинья с длинными вислыми ушами.

— Ты что здесь делаешь, бессмысленное животное? — спросил у свиньи Тимка.

— Хрюки, — сказала свинья. И, подумав, добавила: — Хюр-хюр!

— Я вижу, по-хорошему разговаривать ты не хочешь, — нахмурился Тимка.

Тут подросла Тинка.

— Что тут у тебя?

— Не уважает, — пожаловался Тимка, показывая на свинью. — Сморкается. Двух слов от нее не добьёшься, всё сморк да сморк.

— Да ведь она не знает человеческого языка!

— Всё она знает... Прикидывается просто,

— Тимка повернулся к свинье. — Отвечай, а не то узнаешь, что такое свиная колбаса!

— Хро, — сказала свинья.

— Хро? — удивился Тимка.

— Хро, — подтвердила свинья. — Хро-хро-хро!

— Ну, и что это такое? — развёл лапами Тимка.

— Это, наверное, по-древнерусски, — догадалась Тинка.

— Я ничего не понимаю, что она тут выхрюкивает,
— сказал Тимка. — Если так и дальше будет, мы про чёрного пса ничего не узнаем.

— Пожалуйста, не ругай её, — попросила Тинка.

— Она ведь девушка, ей обидно.

И Тинка сделала книксен перед свиньёй.

— Извините, барышня свинка. Мы не хотели Вас обидеть!

И мыши, оставив хрюшку, побежали к дому. Дверь была закрыта, но для мышат, конечно, это было не препятствие. Мыши, как известно, очень ловко лазают через разные маленькие дырочки.

Тимка понюхал щель под дверью. Пахло чёрным псом и детьми.

— Полезем? — спросил Тимка сестру.

— Боюсь! — задрожала та. — Вдруг он нас съест?

— Это ещё вопрос, кто кого быстрее съест, — сказал Тимка. — Я ведь, если подумать как следует, довольно жуткое существо. Видала, какой у меня оскал? Ужас просто, а не оскал. Я сам себя боюсь, когда в зеркало гляжу.

Подбодрив себя таким образом, Тимка полез

в щель. Тинке было страшно вато оставаться одной, и она полезла следом, утешая себя мыслью, что и она, наверное, тоже довольно жуткое существо. Если подумать как следует.

В доме было темно и мрачно. Мертвящий холод полз вдоль пола. Сначала им показалось, что тут вообще никого нет. Но потом они увидели, что на полу сидит девочка лет пятнадцати с длинной каштановой косой. Она, казалось, тоже спала. Но когда мышата осторожно стали прокрадываться мимо, девочка открыла глаза и цепко схватила их. Глаза её в темноте показались белыми, мёртвыми.

— Пусти меня! — закричал перепуганный Тимка. — Я кусаюсь! Два дня зубы не чистил — укус смертельный!

— Да он их вообще не чистит! — подхватила Тинка. — Никогда!

— Слыхала? Так что прощайся с жизнью!

Но тут мышата увидели, что девочка улыбается, глядя на них. Улыбка у неё была славная. И Тимка как-то сразу раздумал кусать её нечищеными зубами.

— Так вот вы какие, говорящие мыши, — негромко сказала девочка.

— Откуда ты про нас знаешь? — удивились те.

— Мне Кукша рассказывал. И Беата.

— Где они?! — закричали мышата.

Девочка с косой опустила мышат на пол. Потом она поднялась и поманила их за собой. Тимка и Тинка с ужасом увидели, что она сидит на длинной цепи. Но девочка, как ни в чём не бывало, дошла до угла комнаты и подняла с пола медвежью шкуру. Под ней был погреб, вырытый прямо в земляном полу.

Девочка открыла крышку погреба. Мышата заглянули внутрь и чуть не закричали от ужаса.

Там, внутри, вповалку лежали Беата, Кукша и ещё несколько новгородских ребят, которых утащил пёс. Все они были скованы цепью и спали тяжёлым сном.

— Что с ними? — содрогнулись мышата.

И девочка — её звали Мария — рассказала, почему дети оказались здесь и почему они сидят на цепи.

Оказывается, чёрный пёс и впрямь был волхв, злой языческий колдун. Поскольку он был оборотень, свое человеческое имя он держал в тайне. Сам себя он звал Чёрным Зверем, а люди звали его Чёрным Псом.

Его дальний предок — Серый Зверь — хотел стать князем. Больше ста лет назад он поднял бунт в Новгороде. Он околдовал новгородцев, и кое-кто даже встал на его сторону.

Однако тогдашний князь разбил Серого Зверя, и с тех пор волхвы не имеют власти над жителями Новгорода.

Чёрный Пёс захотел отомстить за унижение своего предка. С взрослыми ему справиться труднее, вот он и решил украсть новгородских детей. Мало того, он решил составить из них своё войско, которое поклонялось бы злым языческим духам. Чёрный Пёс хотел сделать детей злыми, жестокими и бессердечными. И если мечта его воплотится, эти дети приведут Чёрного Пса к власти в Новгороде и сделают его князем.

— А как же ты здесь оказалась?

— спросил Тимка.

— Я ему — дальняя родствен-

ница, — отвечала Мария. — С детских лет сиротой осталась, а он меня к себе взял — чтобы по хозяйству помогала.

— И ты ему помогаешь? — ужаснулась Тинка. — Он же злой! Неужели тебе детей не жалко?

— Жалко, конечно, — вздохнула Мария. — А что поделать, я сама — пленница.

— Значит, вы всё время на цепи? — спросил Тимка.

— Почти, — отвечала Мария.

Мария рассказала, что с цепи детей спускают только, когда Чёрный Пёс дома. Он всегда уходит и приходит неожиданно. Есть у него ещё и помощник, гончар Жирослав.

— Так это же он Ганса оклеветал! — воскликнул Тимка.

В этот момент во дворе громко и тревожно захрюкала свинья. В следующее мгновение в избу вбежала бабуля.

— Бегом отсюда! — запыхавшись, велела она. — Чёрный Пёс возвращается.

— Ты откуда знаешь? — удивилась Тинка.

— Слыхали, как свинья хрюкает?

Мышата посмотрели на Марию. Та кивнула головой.

— Это правда. Свинья его заранее чует...

Мыши опрометью бросились бежать. Они мчались так быстро, что не успели даже оглянуться и посмотреть, с какой стороны появился Чёрный Пёс.

ПОСАДНИК ЛОВИТ БАБУЛЮ

К ночи вернулись в Новгород. Добрались до дома Данилы, разбудили его тихим писком.

— Живы? — обрадовался мальчишка. — Где вас носило?

Мыши шёпотом рассказали о том, что видели в логове Чёрного Пса.

— Выходит, жива Беата! — обрадовался Данила.

— Беата-то жива, а вот отец её... — начала было бабушка.

— И отец её живой, — перебил Данила.

— Разве его толпа не разорвала?

— Да в том-то и дело, что нет. Только-только на него кинулись, как, откуда ни возьмись, епископ явился, владыка Григорий. Велел отпустить. Сказал, раз о колдовстве речь, то это дело церкви.

— Отпустили?

— Не хотели сперва. Но владыка у нас твёрже камня, с ним не поспоришь. Обещал вечу всё расследовать и устроить суд над колдуном. Только тогда и отпустили.

— И где теперь Ганс?

— У епископа во владычном дворе. В подвале заперт.

— Как думаешь, отпустят его?

— Это вряд ли. С тех пор как его заперли, дети пропадать перестали. Все думают, что это он и есть Чёрный Пёс. Мыши задумались. Надо было спасать Беату и других детей от Чёрного Пса. Но у Данилы с Онфимом, конечно, силёнок на это не хватит. И мыши им тут не помогут.

— Ко князю надо идти, — сказал Данила. — Князь — храбрый воин, Чёрного Пса не забоится. И войско у него. Даст бой оборотню.

— Вы маленькие ещё. Пустят ли вас на княжий двор? — засомневался Тимка.

— Конечно, пустят, — самодовольно отвечал Онфим. — Или мы не новгородцы?

На следующее утро Онфим, Данила и трое мышей отправились на Ярославово дворище, в резиденцию князя. Встали у ворот, начали шуметь и скандалить. К ним выглянул слуга.

— Чего шумите, пострелята?

— Мы не пострелята, — важно отвечал толстенький Онфим. — Вели передать князю, к нему новгородцы пришли.

— Ишь ты, — засмеялся слуга. — От горшка полвершка — и туда же, новгородцы.

Но Онфима сбить с толку было не так-то просто.

— Вели сказать, что мы с князем беседовать желаем.

— О чём беседовать? — веселился слуга.

— Помощи просим в важном деле.

— Может, я на что сгожусь?

— Не сгодишься. Дело бранное, кровопролитное. Только князь нам поможет.

— Нет, — отвечал слуга. — Не поможет вам князь.

— Это почему?

— Он на охоту уехал.

— А когда вернётся?

— Кто же его знает... Может, через три дня. Может, через неделю. Как повезёт.

Онфим и Данила отошли от княжеского двора не солоно хлебавши.

— Неделю мы ждать не можем, — сказала бабуля. — За неделю колдун и ребят погубит, и Ганса казнят.

Все приуныли. Но тут новая мысль пришла в голову Онфиму.

— Может, к посаднику? — спросил он. — Когда князя в городе нет, все дела посадник решает. Ополчение опять же может собрать.

Данила был против.

— Нынешний посадник только об своей шкуре думает, — сказал он. — Его уж давно пора с моста скинуть и нового избрать.

— А мой отец говорит, что посадник добрый и дело своё хорошо знает, — не согласился Онфим.

Они начали пререкаться и спорили бы полдня, если бы не бабуля.

— Плохой он там, или хороший, этот ваш посадник, а другого выхода всё равно нет, — сказала она.

Двинули к посаднику. Однако тамошний привратник их и вовсе слушать не стал. Даже на двор не пустил, шуганул как собачонок паршивых.

— Я же вам говорил! — торжествовал Данила.

— Посадник тут не при чём, это слуги у него дурные, — не соглашался Онфим. — Посадник бы непременно помог, кабы узнал о нашем горе.

— Ну, это проверить не трудно, — сказала бабуля. — Раз вас не пускают, тогда мы сами к посаднику пойдем...

Как сказали, так и сделали. Мышам разрешение на вход было не нужно. Они юркнули в щель и устремились прямо в палаты к посаднику.

Посадник был важный, дородный, богато одетый человек. Он как раз трапезничал, когда мыши добрались до его палат.

На столе перед посадником лежал на широком блюде целиком зажаренный гусь, сёмга, белужья икра в серебряных ковчезцах, сыры заморские разных видов, целый каравай житного хлеба, стояло красное фряжское вино, мёды хмельные и много других яств.

— Смотри ты, — сказал Тимка Тинке. — Неужели он это всё сам съест? Да тут на целую футбольную команду хватит.

— Ну, на футбольную, может, и не хватит, а хоккейную запросто можно накормить, — отвечала Тинка.

Тем временем бабуля залезла на стол и уселась аккурат на жареного гуся. Посадник прямо остолбенел от такой наглости.

— Кыш! — закричал он и замахал на бабулю рукой. — Брысь, кому говорю!

Но бабуля совершенно не хотела делать кыш и тем более — брысь. У бабули были на посадника серьёзные планы. Она приосанилась и сказала:

— Довольно странно слышать такие слова в свой адрес... Хорошо же вы встречаете гостей, дорогой посадник.

— Ты кто? — выпучил на неё глаза посадник.

— Я — Хранитель времени, — с превеликим достоинством отвечала бабуля.

— Ты разговаривать можешь? — посадник всё не мог в себя прийти от удивления, борода его сдвинулась набок.

— А что, не видно? — бабуля стала раздражаться от такой глупости. Посадник не стал тратить времени на пустые переговоры, и как

был, с животом и бородою, бросился на бабушку. Он, видно, хотел этим самым животом придавить её к столу. Но бабуля была не из тех, кого просто так можно придавить — пускай даже и животом. С быстротой молнии бабуля метнулась в сторону. В результате посадник прижал к столу гуся. Но гусю было всё равно, он и так уже был жареный.

Бабушка отбежала подальше и начала стыдить посадника за некультурное поведение. Но посадник не слушал её. Он бегал и кричал, что сейчас поймает говорящую мышь, посадит в клетку и будет ею на пирах перед гостями хвастаться.

— Чувствую я, ничего нам тут не светит, — сказала Тинка, наблюдая, как посадник с криками носится за бабулей по палатам, желая схватить её за хвост.

— Поймает или нет? — гадал Тимка, с интересом глядя на то, как посадник гоняет бабулю по всему помещению.

— Спорим, что не поймает? — отвечала Тинка. — Не родился ещё такой посадник, чтобы нашу бабушку отловить.

И точно, скоро посаднику надоела эта бессмысленная физкультура. Он устал бегать и тяжело шмякнулся на скамью. Поглядел на бабушку недобрый взглядом.

— Что смотришь на меня зверообразно? — спросила бабушка.

— Подь сюда, я тебе растолкую, — сказал посадник.

Но бабушка не попалась на эту приманку. Наоборот, отошла подалее и честно пыталась рассказать посаднику про детей и Чёрного Пса. Но тот даже слушать её не стал.

— Кто ты такая есть, чтобы тебя слушать?! — скандалил он. — Ты передо мной всё равно, что клоп!

— Я не клоп, а мышь, — оскорбилась бабушка.

— Тем более! Всякая злоехидная мышь будет меня жизни учить! — топал ногами посадник. — А ну, иди сюда, я тебя в клетку посажу! Одним словом, разговора с посадником не получилось. Так ничего и не добившись, вернулись мыши к Онфиму с Данилой.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ГАНСА

Услышав рассказ мышей о посещении посадника, Онфим запричитал:

— Сиротинушки мы горемычные! Никто нам не поможет...

Но Данила его прервал.

— Хватит стонать, сиротинушка, — сказал Данила. — Ждать нам более нечего. Идём к Чёрному Псу сами.

Мыши поначалу ужаснулись.

— Он вас сожрёт и хвостов не оставит, — сказал Тимка.

— Хвостов у нас и так нет, — отвечал Данила. — Так что страшиться нам нечего.

Онфим, правда, был другого мнения. Но не стал ничего говорить. Не хотел, чтобы его за труса посчитали, да к тому же хвостатого. Стали придумывать план.

— Перво-наперво, — сказала бабуля, — надо взять пилу какую-нибудь или что-то в этом роде. Все дети там сидят на цепи, зубами её не перекусишь.

— Достанем, — сказал Данила.

— Второе, — сказала бабуля. — Прийти надо в то время, когда Чёрного Пса дома нет.

— Как же мы узнаем, когда его дома нет? — робко спросил Онфим.

— Придется сначала разведку произвести, — отвечала бабуля. На том и порешили. Данила потихоньку взял у отца инструменты. Онфим тишком забрался к отцу в кладовую, набил едой солидный мешок.

Мыши его на смех подняли.

— Ты год, что ли, собираешься по лесу ходить? — спросил Тимка. Онфим насупился.

— Неизвестно, как там выйдет. А еда доброму молодцу не помеха. Когда всё было готово, выступили в лес. Мыши хорошо помнили дорогу и бодро бежали впереди. За ними поспевал Данила. Сзади всех пыхтел со своим мешком Онфим, испуганно озираясь по сторонам.

Идти по лесу было страшно. Если бы не мыши, мальчишки давно бы заблудились.

Ближе к вечеру дошли до логова Чёрного Пса. Избушка смотрела на лес чёрными слепыми окнами, свет в ней не горел.

Мальчишки спрятались за кустами в лесу, чтобы их не было видно. Бабуля мигнула Тимке, тот быстро затрусил к двери. Через минуту он уже прошмыгнул в щель и оказался в доме.

Мария спала на соломе, подложив под щёку кулачок. Тимка обегал весь дом, всё обнюхал. Только убедившись, что Чёрного Пса нет, Тимка разбудил Марию.

— Тимка! — обрадовалась та. — Хорошо, что пришёл. Скучно нам тут одним.

— Я подмогу привёл, — сказал Тимка. — Где Чёрный Пёс?

— На охоту ушёл, постылый, — отвечала Мария.

Тимка выскочил из избы, условленным писком позвал ребят. Через минуту мальчишки и Тинка с бабулей были в доме. Данила

плотно прикрыл дверь, чтоб снаружи ничего не заметно было.

Онфим, увидев Марию, приосанился и пригладил волосы. Данила подошёл к Марии с пилой.

— Давай, освобожу тебя, — сказал он.

— Сначала их, — Мария кивнула на погреб, где спали дети.

Онфим стащил с погребка шкуру. Мария шёпотом позвала детей.

— Подымайтесь! Избавление пришло...

Дети заворочались, зашептали радостно. Данила влез к ним с пилой в руке. Кукша, который проснулся позже всех, разглядел Данилу, закричал от восторга.

— Данила, ты?!

— Тише, — зашипела Мария. — Слух у Чёрного Пса волчий, за много верст слышит...

— Небось, не услышит, — сказал Кукша. Потом обернулся к Даниле. — Давай, пили меня первого.

Однако Данила первой освободил все-таки Беату. Когда ржавая цепь на её ноге распалась, бабуля вдруг прислушалась. Со двора слышалось громкое хрюканье свиньи.

— Чёрный Пёс возвращается! — в отчаянии крикнула Мария. — Бегите!

Мальчишки, Беата и мыши бросились к дверям. Но было поздно. Дверь раскрылась сама, и на пороге возникла жуткая фигура Чёрного Пса. Встряхнувшись, он обратился в человека. Лицо его было тёмным, ужасным.

Маленькие мыши успели проскочить у волхва под ногами, а дети в страхе попятились назад. Мыши, выскочившие на улицу, увидели, как дверь за Чёрным Псом захлопнулась.

— Попались! — в ужасе воскликнул Тимка.

— Пропадут теперь, — заплакала Тинка. — Что делать будем, бабуля?

— Обратно в Новгород возвращаться, — отвечала бабуля. — Здесь нам больше делать нечего. Сами мы их не спасем. Авось, помощь удастся привести.

Но Тимка стоял на месте, пораженный какой-то мыслью.

— Бабуля, — сказал он наконец. — Нам ведь что нужно? Нам береста нужна, чтобы обратно домой попасть. Так давай мы подождём до завтра, пока Чёрный Пёс снова уйдёт. Потом прокрадёмся в дом, заберём бересту у Кукши — и домой.

Бабушка посмотрела на него сурово.

— Это ты хорошо придумал, — язвительно сказала она. — Вот только кто детей спасать будет, а? Ведь они наши друзья...

Тимка посмотрел на Тинку, на бабушку — и ему стало стыдно.

Обратно мыши бежали молча.

Добежали до монастыря, спать легли в трапезной — там никого не было. Тинка уснула сразу, а Тимка не мог. Вздыхал, ворочался.

— Хватит пыhtеть, — не выдержала бабуля. — Думать не даёшь.

— Я, между прочим, тоже думаю, — обиделся Тимка.

— О чём же ты думаешь, позволь узнать? — ехидно спросила бабуля.

— О том, как спасти Ганса и детей, — отвечал Тимка.

— В таком случае, думай тихо.

И бабушка замолчала...

Проснулись мыши с первыми лучами солнца.

— Ну, что, — с усмешкой спросила бабуля у Тимки. — Придумал что-нибудь? Тимка насупился.

— Ничего не придумал...

Бабуля загадочно улыбнулась:

— А у меня кой-какая идея созрела. Слушайте-ка сюда!

Когда бабушка рассказала свою идею внукам, у тех загорелись глаза.

— Бабуля, ты гений, — в восторге сказала Тинка.

— Есть немножко, — скромно отвечала бабуля. И они отправились во владычные палаты — туда, где взаперти в тёмной и тесной келье держали отца Беаты Ганса. Последней шла Тинка, в середине — Тимка, а возглавлял всю процессию хвостатый гений — бабуля.

Пробравшись в келью, они первым делом услышали голос архиепископа Григория.

— Покайся, — говорил епископ Гансу. — Покайся во грехах и сознайся в преступлениях своих.

— Не ф тшем мне каяться, владыко, — отвечал упрямо Ганс. — Не финовен я перед народом нофгородским.

Архиепископ помолчал.

— Понимаешь ли, что нет у меня другого выхода, как отправить тебя завтра на суд веча новгородского? — сказал он печально.

— Понимаю, владыко.

— На лютую казнь себя обрекаешь, — вздохнул архиепископ.

— Моя совесть тшиста, — твёрдо отвечал Ганс. Архиепископ молча повернулся и вышел из кельи. Силы изменили Гансу. Он тяжело опустился на скамью.

— Майн готт! — сказал он. — Са што мне такое испытание?

Мыши бросились к Гансу.

— Маленькие трузья, — сказал он грустно. — Фы пришли поттержать меня ф моём горе...

— Мы пришли спасти тебя, — отвечала бабуля. — Тебя и твою дочь... На следующий день грянул вечевой колокол на Торгу. Но ещё до этого площадь заполнилась народом. С самого утра тут стояли люди. Негодующие новгородцы желали увидеть, как осудят и казнят злого немецкого оборотня, который украл у них детей.

Ганса вывели на площадь в цепях. Вокруг него, отделив от толпы, встали многочисленные стражи из новгородского ополчения. Немецкий купец был бледен, но спокоен. Увидев ненавистного колдуна, толпа зашумела. Однако посадник поднял руку, и понемногу шум стих.

Посадник обратился к Гансу.

— Верно ли, что ты — немецкий торговый гость, по имени Ганс, по прозвищу Бородатый?

— Ферно, — отвечал Ганс.

— Верно ли, что в наш град преславный ты приплыл по торговым делам?

— И это ферно.

— Чем торговал ты?

— Ффозил янтарь палтийский, украшения разные, оклады для ефангелий и много чего иного.

В толпе зашумели.

— Что глупости спрашивать? Дело давай!

Посадник бросил на крикунов грозный взгляд, однако перешёл к следующей части допроса.

— Скажи, Ганс, верно ли, что ты обучен злomu волхвованию и можешь перекидываться в дикого зверя? — вкрадчиво спросил посадник.

Толпа затихла в ожидании ответа. Казалось, если бы пролетел комар, вся площадь бы услышала его полёт. Томительно тянулись секунды, а Ганс всё молчал. Он только побледнел ещё сильнее и стоял теперь как изваяние. Но вот рот его раскрылся, и в толпу полетело слово:

— Ферно...

Толпа ахнула. Посадник с изумлением поглядел на Ганса, потом перевёл взгляд на архиепископа. Невозмутимое и суровое обычно лицо Григория дрогнуло.

— Понял ли ты мой вопрос? — переспросил посадник у Ганса.

— Та, — отвечал тот.

— Подтверждаешь ли ты, что, используя колдовство, превращался в пса?

— Подтверштаю...

Толпа зашумела. Но посадник снова поднял руку.

— Правда ли, — прищурился посадник на Ганса, — что ты, обратившись в Чёрного Пса, похищал детей?

Бледная щека Ганса задрожала было, но он справился с собой.

— Это прафта, — сказал он.

И хоть сказано это было совсем тихо, вече услышало его слова.

— Бей его!! — закричали в толпе.

С дикими криками толпа кинулась к Гансу. Но посадник мигнул тысяцкому, вперед выбежали вооруженные пиками стражи из ополчения и стали теснить народ. Мало-помалу всё утихло, только время от времени из толпы в сторону Ганса раздавались злобные крики и проклятия.

Посадник повернулся к Гансу.

— Что ещё хочешь сказать ты вечу, Ганс Бородатый?

Ганс поднял голову.

— Винофат я перед фами, новгородцы... Нет мне прощения. Пусть умру теперь, но прежде хочу искупить свою вину перед вами...

В толпе раздались крики.

— Испытать!

— Ишь, чего удумал, пёс смрадный...

Но Ганс не опустил головы, смотрел смело и прямо.

— Я украл фаших детей, но я их не тронул. Фсе они живы и ф добром здравии.

Радостный вздох пронёсся по площади.

— Я спрятал их в своём логове, в лесу. Их можно освободить.

Толпа возликовала. Люди кричали, плакали от радости, обнимались, швыряли в воздух шапки. Но мало-помалу всё успокоилось.

ЧЁРНЫЙ ПЁС САДИТСЯ НА ХВОСТ

Ганс объяснил вече, что прячет детей далеко в лесу, но готов показать, где это. С ним снарядили несколько человек из ополчения, и Ганс повёл их в лес.

С ног Ганса сняли кандалы, но руки его по-прежнему были скованы. Стражи внимательно приглядывали за ним. Он же, идя по лесу, смотрел почему-то не вперёд, а лишь себе под ноги.

— Тафайте, мои маленькие трузья, — чуть слышно шептал он. — Не потфедите.

И мыши не подвели. Всю дорогу они бежали впереди в траве, поднявщи вверх хвостики, чтобы их лучше было видно. Так что Ганс всё время шёл следом за ними.

И вот, наконец, когда уже стражники стали подумывать, что проклятый немец обманул их, показалась избушка оборотня.

— Фот здесь, — с облегчением сказал Ганс.

Двое стражей двинулись к избушке, остальные остались стоять с Гансом. Внезапно из-за двери раздалось глухое рычание. Стражники остановились и в недоумении оглянулись на Ганса.

— Осторожно, — сказал он им. — Там, фнутри, кто-то может быть. Дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая мрачная фигура Чёрного Пса. Сейчас он был в человеческом облике. Вид его был так страшен, что даже стражники отступили на шаг. Обведя угрюмым взглядом пришельцев, он спросил рокочущим басом.

— Кто вы и что вам здесь нужно?

— Мы пришли за сфоими детьми, — смело отвечал ему Ганс. — Отдай их нам, и мы тебя не тронем.

Чёрный Пёс захохотал.

— Какие дети? Вы, видно, сошли с ума! Убирайтесь вон, пока живы!

— Мы фсё знаем про тебя, Чёрный Пёс, — отвечал Ганс. — Ты украл детей, чтобы захватить Новгород. Тебя фыдал Широслав.

Колдун взревел от злобы.

— Жирослав! — прорычал он.

Из избушки выскочила съежившаяся фигурка Жирослава.

— Ты предал меня! — прорычал Чёрный Пёс.

— Нет, господин, — в ужасе скорчился Жирослав. — Это клевета...

Но Чёрный Пёс уже не слушал подручного. Он с размаху ударил его рукой — так, что Жирослав пролетел по воздуху несколько метров и остался лежать на земле неподвижно.

— Я — подлинный князь Новгорода, — проревел волхв, сверкая чёрными глазами. — Поклонитесь мне, и я, так и быть, оставляю вам жизнь.

— Сдавайся! — отвечал ему Ганс. — Ты окружён! Колдун только злобно расхохотался в ответ. Потом встряхнулся, ударился оземь и обратился в огромного чёрного пса.

Стражники мгновенно подняли пики и выхватили мечи. Чёрный Пёс с ревом бросился на них. Завязался смертельный бой. Чёрный Пёс ревел и бил тяжёлыми лапами направо и налево, стражники кололи его пиками, старались достать мечами.

В этот миг Тимка подбежал к Гансу и запищал:

— Быстрее, за мной!

Чёрный Пёс отшвырнул одного из стражников прямо к дереву, где стоял Ганс. Стражник ударился

о землю головой и потерял сознание. Ганс подхватил его упавший меч и следом за мышонком бросился в избушку. Мария, бабуля и Тинка уже ждали их.

— Нужно успеть, — сказала бабуля. — Пока они там дерутся, надо освободить детей.

Ганс ударил по цепи, которой была прикована Мария. Булатный клинок легко одолел ржавое железо, цепь распалась. Мария бросилась к подполу. Дети зашумели. Беата, увидев отца, заплакала. Ганс обнял её дрожащими руками, зашептал что-то по-немецки, успокаивая.

— Скорей, скорей, — торопила бабуля, оглядываясь на дверь. Ганс крепче сжал меч скованными руками, начал рубить цепь, освобождая детей.

Кукша был последним в очереди. Когда Ганс дошёл до Кукши, к нему тут же подскочила бабуля.

— Где береста? — грозно крикнула она.

Кукша, оробев, вытащил бересту из-за пазухи, отдал Даниле.

— Бежим! — скомандовала бабуля.

Данила подхватил мышат и бабулю, вся ватага бросилась к выходу. Они распахнули двери и увидели разбросанных по поляне стражников. Чёрный Пёс теснил двух оставшихся в сторону леса. Они яростно отмахивались мечами, но силы были неравны.

Ганс хотел было броситься им на помощь, но бабуля крикнула:

— Спасай детей!

И Ганс побежал следом за ребятами, оглядываясь назад. Он видел, как последний стражник пал, сокрушённый Чёрным Псом. И в ту же секунду они вбежали под спасительную тень деревьев. Перепуганные дети неслись по лесу так быстро, что Ганс, державший в руках тяжёлый меч, с трудом поспевал за ними. Мыши устроились на плече Данилы так, чтобы видеть, что происходит сзади.

Скоро они услышали жуткий вой, он быстро приближался. От воя этого кровь стыла в жилах. Некоторые дети от испуга заплакали.

— Он тогоняет! — крикнул Ганс.

— Быстрее! — закричала бабуля.

Дети припустились ещё быстрее. Но было поздно. Мыши увидели, как Чёрный Пёс появился среди деревьев. Он шёл быстрым

наметом и с каждой секундой становился всё ближе.

— Бабуля, — запищали мышата, — он нас съест!

— Не съест, — отвечала бабуля. — Ганс нас защитит.

— Он и Ганса съест, — крикнул Тимка. — С ним никто не справится.

Бабуля не ответила. Она о чём-то сосредоточенно думала.

Чёрный Пёс был уже совсем близко. Среди деревьев адским огнём полыхали его красные глаза.

— Нам не уйти! — обречённо крикнул Ганс.

— Тогда остановись и прими бой! — отвечала бабушка.

— Бабуля сошла с ума, — пробормотал Тимка. — Никто не справится с Чёрным Псом.

Мышата обнялись, дрожа от страха.

Ганс остановился, тяжело дыша. Остановился и Данила. Остальные дети, увлекаемые Марией, бежали дальше.

Ганс поднял меч скованными руками. Чёрный Пёс встал, не добежав до него десятков метров. Глаза его полыхали чудовищной злобой, он оскалился и зарычал.

— Я не боюсь тебя, дьявольское отродье! — крикнул Ганс.

— Спусти нас на землю и брось туда же бересту, — скомандовала бабуля Даниле.

Данила так и сделал.

— А теперь беги! — крикнула бабуля.

Данилу не надо было упрашивать. Он дал такого стрекача, что только пятки засверкали. Чёрный Пёс рыкнул ему вслед, но Ганс махнул мечом, не позволяя колдуну бежать за мальчишкой.

Чёрный Пёс, завывая, стал медленно надвигаться на Ганса.

— Отступай, — велела Гансу бабуля. — Но не быстро, аккуратно! И смотри, чтобы он на тебя не бросился...

Ганс стал пятиться, вращая мечом перед собой. Чёрный Пёс медленно наступал на него.

Бабуля коснулась одной рукой бересты.

— Держитесь за меня, — велела она мышатам. — Сейчас мы вернёмся в наше время.

— Как же так, бабуля? — заплакала Тинка. — Он же убьёт их!

— Мы их не бросим! — завопил Тимка. — Они друзья!

— Не бойтесь, всё будет хорошо, — крикнула бабуля. — Крепче держитесь!

Перепуганные мышата вцепились в неё. Но бабуля отчего-то медлила и не произносила волшебного слова. Она как будто чего-то ждала.

Ганс по-прежнему пятился назад, а Чёрный Пёс шёл за ним. В какой-то момент Чёрный Пёс оказался совсем рядом с мышами, так, что его зловонная шерсть коснулась носа Тимки.

И в этот миг произошло нечто ужасное. Ганс, который шёл спиной, споткнулся о корягу и повалился на землю. Чёрный Пёс победно рывкнул и прыгнул на него.

Но за краткий миг до того, как колдун взлетел в воздух, бабуля свободной лапкой схватила его за шерсть, щёлкнула хвостом и крикнула: «Домой!»

И в ту же секунду могучий вихрь поднял в воздух мышей и Чёрного Пса, закружил и швырнул в пустоту...

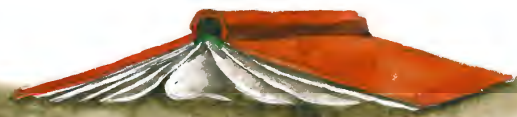
Тимка открыл глаза и едва не умер от страха. Прямо в лицо ему глядела жирная и усатая кошачья морда.

— Мяу! — сказала кошка и сладко облизнулась.

Глядя в жёлтые кошачьи глаза, Тимка понял, что они все-таки вернулись обратно, в Исторический музей, прямо в библиотеку. А ещё он понял, что жизнь его закончилась. В общем-то, жизнь эта была не такая уж плохая, если учесть, сколько он съел вкусных сыров, сосисок и кусочков сала. Тимке захотелось заплакать. Но он мужественно сдержал слёзы.

— Прощайте, родные и знакомые, — мужественно сказал Тимка. — Не помните лихом!

И закрыл глаза, чтобы не было так страшно.

Но в этот миг за его спиной вдруг раздалось жуткое рычание. Тимка открыл глаза, оглянулся и увидел, что сзади стоит Чёрный Пёс.

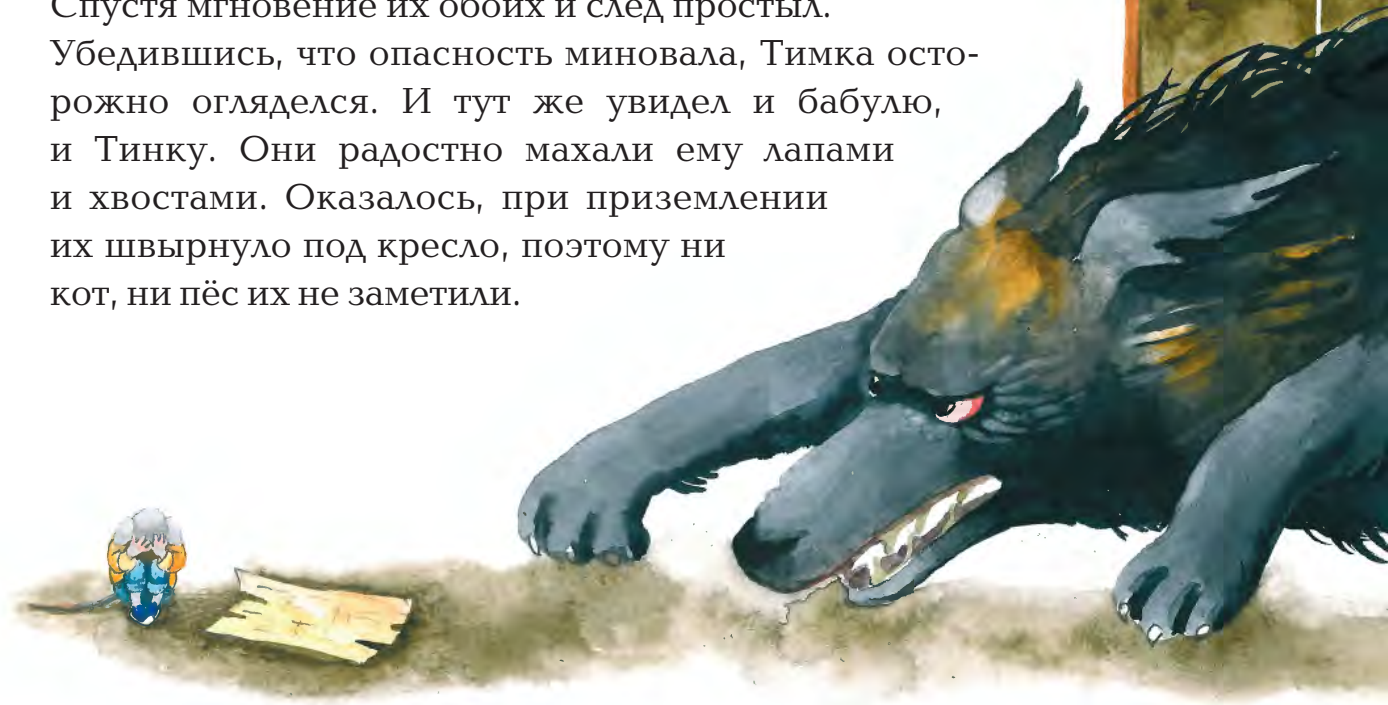
«Зажуют! — в панике подумал Тимка. — Пёс слопает хвостовую часть, кошка — носовую. Где же бабуля? Где Тинка?».

И Тимка опять закрыл глаза, чтобы опять не было так страшно. Но тут произошло удивительное и в то же время очень понятное событие.

Как известно, коты и собаки сильно друг друга не любят. И музейная кошка не была исключением. Поэтому, увидев собаку, кошка зашипела, как пробитое колесо. И не какое-нибудь там велосипедное, а огромное, самолётное.

Но на этом кошка не остановилась. Она подняла шерсть на загривке, подпрыгнула и ловко ударила когтистой лапой Чёрного Пса прямо по носу. Чёрный Пёс взвыл от боли и оскорбления и бросился на кошку. Та же со страшной скоростью метнулась прочь от собаки. Спустя мгновение их обоих и след простыл.

Убедившись, что опасность миновала, Тимка осторожно огляделся. И тут же увидел и бабулю, и Тинку. Они радостно махали ему лапами и хвостами. Оказалось, при приземлении их швырнуло под кресло, поэтому ни кот, ни пёс их не заметили.

— Что это было, бабуля? — спросил Тинка, подбежав к креслу.
— Что было, что было... — проворчала бабуля. — Это был тонко рассчитанный план.

Конечно, бабуля с самого начала понимала, что Ганс не справится с Чёрным Псом и дети опять попадут в плен. И тогда у неё появилась гениальная идея — забрать с собой Чёрного Пса в наше время. Правда, была опасность, что Чёрный Пёс сожрёт мышей. Но тут бабуля вспомнила про кошку, которая сторожила их в библиотеке. И тогда бабуля решила столкнуть носами двух страшных врагов.

— И план твой, бабуля, удался! — захихикала довольная Тинка.

— А что теперь будет с Гансом и детьми? — спросил Тимка.

— Всё будет хорошо, — сказала бабуля. — Вернутся в Новгород. Дети расскажут, кто на самом деле их украл, и Ганса с Беатой отпустят.

— Значит, все окончилось благополучно? — уточнила Тинка.

— Вроде того, — сказала бабуля. — Если, конечно, не считать, что мы притащили в наше время могучего и очень злого волшебника. Ну, да утро вечера мудренее. Теперь давайте-ка быстро в дом, пока зверюги не вернулись.

И мыши, конечно, побежали домой, где тут же попали в объятия мамы и папы. И даже дедуля, лысоголовый орёл, всплакнул от радости... Мыши уселись за стол, стали праздновать день рождения Тимки и Тинки. Мышата наперебой рассказывали о том, что они пережили. Жалели только, что не попали на пир, который наверняка закатили обрадованные новгородцы в честь освободителя детей купца Ганса.

Увлечённые рассказом, мыши забыли про всё на свете. Но если бы кто-нибудь из них взглянул в этот момент в окно, то увидел бы нечто странное и пугающее.

Запертая изнутри дверь музея открылась, оттуда выскользнул необыкновенных размеров чёрный пёс, злобно сверкнул глазами и потрусил по белому снегу прочь. За спиной его завывала метель, поднялся вихрь, и спустя секунду пёс пропал, растворился в пустоте, словно его и не было никогда...

Алексей Юрьевич Винокуров
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЧЁРНОГО ПСА
Для чтения взрослыми детям

Авторы идеи – Юрий Вировец, Екатерина Каширская

Автор: А. Винокуров
Научный консультант: к. иск. А. Пожидаева
Редактор: А. Марголис, А. Литвина
Корректор: Е. Тарасова
Художник: В. Новикова
Верстка, макет: К. Коловершина

Составитель: Е. Каширская

Подписано в печать 01.08.2011
Гарнитура BalticaС. Формат 84х100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная
Тираж 3000 экз. Заказ № 1661
Отпечатано в ОАО «Типография „Новости“»